

НАТАЛЬЯ
МИРОНОВА



ВЕЛИКАЯ ЭПИДЕМИЯ:

сыпной тиф в России
в первые годы советской власти

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Наталья Анатольевна Миронова

Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64085077

Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. / Миронова Н. А.: Университет Дмитрия Пожарского; Москва; 2020

ISBN 978-5-91244-269-8

Аннотация

Эпидемия сыпного тифа обернулась трагедией для миллионов русских людей. В исследовании, где голоса из прошлого перемежаются с архивными документами, рассказывается о повседневной жизни в эпоху сыпняка. Уплотнение, голод, разрушенные города, постоянный страх смерти – и на фоне этого повествуется о подвиге врачей, бойцов санэпидотрядов, об их мужестве и человечности. Впервые в науке раскрывается значение тифа как самостоятельного фактора, определившего революционную повседневность городов, об ответственности властей в эпоху эпидемии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Наталья Миронова	4
Благодарности	6
Введение	7
Глава 1	14
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Миронова

Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти

Университет Дмитрия Пожарского



© Н. А. Миронова, текст, иллюстрации, 2020

© А. А. Васильева, макет, переплет, 2020

© Оформление, Русский фонд содействия образованию и

Благодарности

Появление этой книги не было бы возможным без помощи Виктора Викторовича Куликова, чья поддержка, советы и рекомендации бесценны. Я также признательна профессору, доктору исторических наук Владимиру Павловичу Федюку и доктору исторических наук Сергею Ефроимовичу Эрлиху за их подсказки и критику, сотрудникам архивов, которые помогали находить нужный материал, коллегам и друзьям. Отдельное сердечное спасибо главному редактору издательства Университета Дмитрия Пожарского Елене Викторовне Субботиной, которой выпала нелегкая участь редактировать эту книгу, и, конечно, директору издательства Александру Иосифовичу Анно.

Введение

Эпидемии поразительно неразборчивы. Они не различают национальности, расы, уровень доходов, вероисповедания, политические взгляды, морально-нравственные качества, границы между государствами. Даже географические границы, особенно в современном мире, не являются для них непреодолимым препятствием. Эпидемия – это стихия, контролировать которую практически невозможно. Не случайно раньше эпидемии воспринималась людьми как Божья кара, как наказание за грехи и грядущий конец света. Даже сейчас, в современном мире, где есть такие чудесные изобретения, как антибиотики, бактериологические лаборатории, продвинутое медицинское оборудование, и где каждый так или иначе может вызвать врача на дом, – возникновение эпидемии, пусть даже в другой части света, неизменно вызывает панику и ужас. Мы боимся новых вирусов, даже если число его жертв ничтожно в сравнении в любой другой болезнью. Слова «пандемия», «эпидемия» в СМИ не только меняют жизнь отдельных групп людей, но и ломают мировую экономику. При этом люди не особенно задумываются, насколько опасна возникшая эпидемия: реальна ли угроза или это просто химера. Они готовы на все, чтобы оградить себя от того, о чем имеют весьма смутное представление. Иррациональный страх перед эпидемиями, вероятно, никогда

не исчезнет. Попытаться осмыслить его рационально можно только по прошествии нескольких лет. Эпидемию сыпного тифа в России мы рассматриваем спустя столетие. Вооружившись принципом историзма, мы постараемся понять, как люди жили в самой настоящей катастрофе, когда каждый день им предстояла борьба за выживание, а врагом был не далекий заморский вирус, а вполне конкретное маленькое насекомое, существовавшее буквально везде, – вошь. Итак, речь в этой книге пойдет о великой пандемии сыпного тифа – самой масштабной (учитывая абсолютные показатели погибших) эпидемии в России за всю ее историю.

Как только не называли в то время сыпной тиф: революционный новояз породил слово «сыпняк», а литераторы и поэты именовали его не только «тюремным», «солдатским», «голодным», «железнодорожным», но и давали звучные имена: «Всероссийский палач», «Его Величество сыпняк», «обжора-тиф» и даже – будто в шутку – «сыпнячок». Сыпной тиф часто рассматривается в исследованиях как один из компонентов тяжелой ситуации, вызванной Первой мировой войной и разрухой первых лет советской власти, однако сам по себе он стал детерминатором огромного количества социальных и экономических явлений. Сыпняк не только был причиной смерти множества людей, но и способствовал перерождению жизни городов и страны в целом, навсегда изменил отношение населения к вопросам гигиены и дезинфекции. Эпидемия сыпного тифа – важный компонент Граж-

данской войны, неоднократно приводивший к тому, что наступление армий было невозможно по причине болезни всех солдат. Сыпняк стал невероятно сложным испытанием для молодой советской власти. То, как люди пытались пережить эпидемию, мы постараемся рассмотреть в этой работе.

Не будет преувеличением заявить, что сыпняк первых лет советской власти превращал людей в животных, а жизнь в ад. Не дай нам Бог оказаться в поезде или сойти на какой-нибудь станции Поволжья – в Самаре или Казани зимой, скажем, 1921 года.

Давайте послушаем голоса из прошлого, например, Бориса Пильняка и представим себя в вагоне поезда эпохи сыпного тифа: «Люди, человеческие ноги, руки, головы, животы, спины, человеческий навоз, – люди, обсыпанные вшами, как этими людьми теплушки. Люди, собравшиеся здесь и отстоявшие право ехать с величайшими кулачными усилиями, ибо там, в голодных губерниях, на каждой станции к теплушкам бросались десятки голодных людей и через головы, шеи, спины, ноги, по людям лезли вовнутрь, – их били, они били, срывая, сбрасывая уже едущих, и побоище продолжалось до тех пор, пока не трогался поезд, увозя тех, кто застрял, а эти, вновь влезшие, готовились к новой драке на новой станции. Люди едут неделями. Все эти люди давно уже потеряли различие между ночью и днем, между грязью и чистотой, и научились спать сидя, стоя, вися. В теплушке вдоль и поперек в несколько ярусов настланы нары, и на нарах, под нарами,

на полу, на полках, во всех щелях, сидя, стоя, лежа, притихли люди, – чтобы шуметь на станции. Воздух в теплушке изгажен человеческими желудками и махоркой. Ночью в теплушке темно, двери и люки закрыты. В теплушке холодно, в щели дует ветер. Кто-то хрипит, кто-то чешется, теплушка скрипит, как старый рыдван. Двигаться в теплушке нельзя, ибо ноги одного лежат на груди другого, а третий заснул над ними, и его ноги стали у шеи первого. И все же – двигаются...»¹.

Это описание поезда эпохи эпидемии сыпного тифа, к сожалению, не просто художественный вымысел. Так все и было. Чтобы убедиться в этом, мы рассмотрим исторические документы: эта книга практически полностью написана на основе архивных источников и воспоминаний современников первых лет советской власти. Эти источники – капля в море, и если трудности, которые в них отражены, усилить в десять раз, то и тогда мы, вероятно, не ощутим весь мрак жизни в то время. Архивные материалы вызывают усиливающийся шок, при знакомстве с ними становится не просто тяжело, часто трудно контролировать эмоции. Современный человек едва ли может себе представить, что он оказался бы в какой-нибудь ситуации вроде тех, что составляли повседневность для очень многих людей лет сто назад. Например, в начале января (прямо в Новый год и Рождество, которое люди хоть и не праздновали, но еще помнили) пойти разгре-

¹ Пильняк Б. А. Голый год. Повесть непогашенной луны. АСТ, 2009.

бать залежи трупов и копать в мерзлой земле на окраине Самары могилы на 200–300 человек в день, отбиваясь от стаи диких от голода собак. Или насыпать себе в ухо горчицы, чтобы оглохнуть навсегда, отморозить руки, прострелить ногу, – ведь тогда вас увезут с фронта на санитарном поезде и сыпняк вас пощадит! Или представить себя в таком отчаянии, чтобы пойти воровать трупы или больных из госпиталя, чтобы их съесть. И что бы вы сделали, если бы увидели на вокзале кучу сидящих, лежащих друг на друге маленьких детей, практически голых, с обмороженными ножками и ручками, истощенных от голода, и, будто дворовые кошки, покрытых насекомыми. Отдали бы какому-нибудь малышу свой последний сухарь? Смогли бы бросить новорожденного ребенка на ледяном вокзале, зная, что только так – если его найдут, конечно, – он может выжить?

«Это невозможно, – скажет читатель. – Преувеличение. Если такое и было, это скорее что-то исключительное, отдельные эпизоды».

Однако, к сожалению, все это происходило в действительности и носило массовый характер, это – наша историческая правда. Как гласит английская пословица, факты – упрямая вещь, и сыпной тиф – важнейший и самостоятельный фактор развития России. Он все изменил: сыпняк победил всех.

«Жизнь, – писал Александр Блок в 1921 г., незадолго до своей смерти, – изменилась, она изменившаяся, но не новая, вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все

теперь будет меняться только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы». Великий поэт в отчаянии взирал на то, во что превратилась Россия за четыре года советской власти. Ведь он, в отличие от многих других интеллектуалов, восторженно встретил Октябрьскую революцию. Отказавшись от эмиграции, он не просто принял советскую власть, но и добровольно работал на большевиков, состоял во множестве советских комиссий, комитетов и организаций. Блок пережил многое: холод и голод в революционном Петрограде, он видел революцию изнутри, и результат четырехлетнего пребывания большевиков у власти поэт оценивал так: вошь победила.

Блок был прав. Вошь действительно победила весь свет, изменив все жизненные реалии. Сыпной тиф разрушил повседневную жизнь в больших городах и маленьких деревнях, уничтожил старшее поколение русских людей – хранителей традиций, привел к смерти большей части городских жителей, сломал мировоззрение и мироощущение всех людей, изменил само понимание жизни и бытия. Сыпняк определил очень многое, что происходили в России в дальнейшем.

Эпидемия тифа, безусловно, – общероссийская трагедия, когда государственная политика привела к настоящей гуманитарной катастрофе. Государство не справилось с главной задачей – спасением граждан, – хотя для ее решения люди готовы были жертвовать очень многим: не только собирали деньги, но и сдавали на продажу серебряные и золотые окла-

ды икон, раки святых, бриллианты старинных Евангелие... Люди были готовы оторвать от сердца действительно очень ценное. И что же мы видим в результате? Можно ли называть то, что произошло, победой над эпидемией, когда столько людей умерло от голода и болезней? Может быть, все-таки трагедия повседневности переоценивается, ведь в истории России было так много периодов потяжелее? В этой книге мы попытаемся ответить на этот вопрос и понять, какую роль сыграл тиф в повседневной жизни обычных людей после 1917 года.

Глава 1

«Моры» в истории России

Если задаться вопросом, какое место занимает эпидемия сыпного тифа первых лет советской власти в истории России, а точнее, чем она отличается от прочих эпидемий, то нужно обратить внимание на некоторые важные обстоятельства. Во-первых, ничего подобного в истории России по размаху и глубине прежде не было. Дело даже не в шокирующих цифрах заболевших и не в том, что сыпной тиф осложнялся социальными и политическими факторами: Гражданской войной и голодом. Предыдущие эпидемии были в некоторой степени соразмерны развитию обществу, они возникали внутри его, были следствием торговли, территориальной экспансии русских царей, иногда – военных действий или культурного обмена. Они были сопоставимы по размерам с морами в Европе, а иногда, к счастью, не достигали европейских масштабов. Бороться с ними было непросто, но последствия так или иначе преодолели: экономика восстанавливалась, города и села воскресали к новой жизни: сейчас, например, путешествуя по Золотому кольцу России, – городам, которые в XVI и XVII вв. названы «золотыми», только при определенной настойчивости мы сможем увидеть едва различимый след эпидемий в искусстве: гипертрофированное изображе-

ние адовых мук в живописи фресок и икон, мрачные цвета росписей конца XVI в. и другие – весьма смутные, часто понятные лишь искусствоведам, отголоски страшного мора, которые пережил русский народ. Сыпной тиф, сыпняк 1918–1923 гг. в отличие от средневековых моров был эпидемией в значительной части предсказуемой, даже ожидаемой. Призыв молодых людей из всех уголков Российской империи в армию в августе 1914 г. – вот отправная станция сыпного тифа, откуда и началось его дальнейшее движение. Естественно, для всех была очевидна связь между зараженными сыпнотифозными вшами солдатами, возвращающимися с фронта, и горожанами, к которым их насильно подсеяли. Как мы увидим в последующих главах этой книги, уже в 1914–1915 гг. эта проблема была темой открытых дискуссий, организованных крупнейшими медицинскими специалистами того времени. Не менее очевидна была зависимость между голодом и тифом: ослабленный иммунитет не в состоянии победить болезнь, а голод в эпоху продразверстки создавался часто искусственным образом. Более того, в начале XX в. любому человеку было ясно, что если город покрыт нечистотами, в нем заражен водопровод и не работают бани, – жди беды. Так почему мы видим картину, когда все факторы складываются, как в карточной игре, масть к масти, а сыграть с ними никто не может? Только ли стечение обстоятельств или «слепой рок», «судьбу» и проч. следует считать объяснением того, по причине чего погибло по разным подсчетам

до 15 млн людей?

Еще одним важным обстоятельством, на которое необходимо обратить внимание, является тот факт, что многие революционные преобразования начинались или сопровождались эпидемиями: Смутное время, бунты середины XVII в., реформы Петра I и Екатерины II (чумные эпидемии, безусловно, здесь играли первую скрипку), и, как мы увидим далее, первые годы советской власти – это период сыпняка – сыпного тифа. Возникает вопрос, не была ли эпидемия сыпного тифа открытым ящиком Пандоры: злом, которое определенные силы хотели использовать в политической борьбе, а затем не смогли поймать и взять под контроль? Сейчас просто необходимо задавать подобные вопросы: они невероятно актуальны. В 2018 г. канадский вирусолог, восстановив канувшую в Лету инфекцию лошадиной оспы, доказал, что практически любая болезнь – даже из так называемых забытых – может быть возвращена в наш мир. В этом смысле жизнь никогда не будет безопасной, не важно, как далеко продвинется эпидемиология.

Давайте попробуем сопоставить размах эпидемии сыпного тифа с прочими морами, которые были в России, а для этого посмотрим, насколько значимы были эпидемии для русского общества. Говоря о русском Средневековье, практически никогда нельзя верить летописным сведениями о погибших, в этом очевидная специфика летописных источниках. Можно лишь сделать предположения о размахе эпи-

демий. Начать небольшой обзор моров в России нужно, разумеется, с **чумы** – королевы всех эпидемических заболеваний. XIV в. в этом отношении – выдающийся. По разным подсчетам, от эпидемии чумы в этом столетии в Европе умерло около 15 млн человек. Эпидемия началась в устье Дона, в отдельных городах Поволжья, на Кавказе и побережьях Черного, Каспийского и Азовского морей, – там, где проходили международные торговые пути. Историки Н.М. Карамзин и С. М. Соловьев считали, что в центральные княжества «черная смерть» приходит в 1352 г. Псков, выдающийся средневековый центр ремесла и торговли, гордость и краса Северо-западной России, стал первой жертвой чумы. В Новгородской летописи описывается то, как люди всех возрастов и сословий умирали день за днем, и последним желанием погибающих горожан становится следующее: пригласить новгородского архиепископа Василия отслужить молебен в Псковском храме. Василий не мог отказать. Придя во Псков, он выполнил наказ псковитян, но вернуться обратно в Новгород так и не смог: чума забрала его в дороге. Тело архиепископа принесли в Новгород, где устроили прощание сообразно всем христианским традициям... И чума началась в Новгороде практически сразу. Вслед за Новгородом с августа 1352 г. до Пасхи следующего года чума опустошила Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль. В некоторых городах – Глухове и на Белоозере, согласно летописям, не осталось ни одной живой души. Чума носила, как считают современные ме-

дики, смешанный легочный и бубонный характер. Приблизительно в это время, скорее от всего от чумы, умирает великий князь Симеон Гордый и два его малолетних сына, брат Андрей Серпуховский и московский митрополит Феогност.

Через несколько лет, в 1364 г., эпидемия вновь усилилась после небольшого затишья. В летописях описывается мор в Ростове, Твери, Пскове, Москве и Литве, впрочем, очевидно, что и во всех остальных городах чума тоже побывала. Эпидемия возвращается снова и снова: через девять лет, в 1373 г., – опять опустошение городов, и 1377 г. – вновь, особенно сильно на западе, в Смоленске. (Есть летописные сведения, что после эпидемии 1387 г. в Смоленске осталось пять человек: они вышли из города и затворили ворота). В летописях описания «глада» и мора постоянны: иной раз кажется, что спокойных времен просто не было. Последствия чумных эпидемий ужасающи: вымирание целых городов и сел, исчезновение ремесел, запустение обрабатываемых земель. Города перерождались после эпидемии: город – не столько постройки, сколько жители, а потому невозможно было сохранить преемственность традиций и обрядов. Эпидемия этого периода настолько детерминировала жизнь людей, что все остальные социальные факторы можно считать вторичными.

Однако люди переходят к восстановлению городов достаточно быстро. В качестве мероприятий по распространению чумы, помимо бегства населения из зараженных мест, при-

менялись костры: вдоль всего тракта жгли огни, которые якобы препятствовали распространению «миазмов». Чума отступала после холодных зим: чумная бацилла восприимчива к холоду, а потому после заморозков эпидемическая ситуация улучшалась. Русские бани и традиция поддерживать чистоту тоже влияли положительно, но защищали скорее сельское население. Скученность народа в городах приводила к невозможности уберечься от разносчиков чумы. Впрочем, позже в крупных городах строится все больше бань. К концу XVI в. в Москве их несколько тысяч, они даже облагаются отдельной пошлиной. Это, однако, не предотвратило чумную эпидемию середины XVII в., точнее, 1654–1657 гг.

Эпидемия чумы времен Алексея Михайловича считается наиболее изученной, историки неоднократно обращались к ней, изучая ход и последствия этой эпидемии. Откуда пришла чума на этот раз, было не понятно, говорили о Нижней Волге или Азии как возможном пути распространении заразы. Когда чума добралась до столицы, патриарх Никон увез семью Алексея Михайловича в Троице-Сергиев монастырь, обеспечив им карантин. Царь был в то время с войском, так как продолжалась одна из многочисленных руссо-польских кампаний. Летом 1654 г. Москва была охвачена чумой полностью, город завален трупами, оставшиеся в живых мародерствовали и, награбив, покидали город. Зараза быстро перешла и в другие города: Тулу, Калугу и Галич, и двигалась далее, не встречая преград, к Костромской и Яро-

славской землям, охватывая малые и большие города. Единственным городом, который остался в стороне, был Новгород. Распространению чумы способствовали стрельцы, покидавшие Москву, и ремесленники, бежавшие в родные города из зачумленной столицы. Города обезлюдели. Приказы – органы исполнительной власти – не работали: дьяки и подьячие умерли или разбежались. Мертвых некому было хоронить, а священники не успевали отпевать людей даже по несколько человек.

К зиме 1654 г. чума стихает, но летом следующего года снова появляется в низовьях Волги. Царские чиновники пытаются организовать заставы, но это не помогает, и чума снова приходит в города. Эпидемическая обстановка была беспокойной как минимум до 1657 г.

Чума в России воспринималась как наказание за грехи, поэтому в это время часто совершались крестные ходы с иконами возле города. В источниках зафиксировано прекращение эпидемии после моления определенным иконам.

Чума середины XVII в. в России – крупнейшая эпидемия, количество погибших, однако, точно неизвестно. Разброс у исследователей очень большой: от 40 тыс. до 800 тыс. человек². Несмотря на страх перед заражением, народ достаточно быстро возвращался в города. Моровая язва приходила

² Alexander John T. Plague in Muscovy, 1500–1700 // Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster: [англ.]. Oxford: Oxford University Press, 2003.

снова и снова, но масштабы ее были другими.

Отдельные случаи на просторах нашей огромной страны случались и в начале XVIII в., например, в 1710 г., когда вспышки чумы были в Ревеле, Изборске и Пскове, в 1727 г. в районе Астрахани, но сильнейшей эпидемией была чума 1770–1772 гг. Считается, что в этот раз моровая язва проникла в Россию через товары из Османской империи (возможно, это был не единственный канал распространения заразы). Знаменитый чумной бунт сентября 1771 г. был связан именно с этой эпидемией. Причиной его стало то, что архиепископ Амвросий решает убрать ненадолго из храма чудотворный образ Боголюбской Божьей матери: как считалось, эта икона останавливает чуму, и в церкви было столпотворение, недопустимое в эпоху эпидемии. Экзальтированные и измученные люди, хоронившие своих близких день за днем, напали и убили архиепископа, затем стали грабить город. Екатерина II отправила несколько военных частей, которым пришлось прибегнуть к насилию во время подавления бунта. Москва за два года чумы опять была завалена трупами.

Однако конец XVIII в. – это все-таки время, когда идеи Просвещения проникают в Россию, хотя бы среди аристократов возникает понимание того, что возможно сделать хоть что-то, чтобы предотвратить мор. Г. Орлов, участвовавший в подавлении выступления, вводит и контролирует карантинные заставы, строит инфекционные больницы, организует вывоз и захоронение умерших. После эпидемий бы-

ло сделано многое для того, чтобы улучшить санитарно-эпидемическое состояние города: вывозились нечистоты и мусор, проводилось истребление бродячих животных, строились бани и больницы, появился водопровод вместо забора воды из загрязненных московских рек. Чума многому научила людей, только вот цена таких уроков была непомерно высока. Сколько умерло в Москве от чумы в это время? Число, которое указывается большинством исследователей, – около 50 тыс. человек. Это, безусловно, много, но не только не останавливает рост Москвы как важнейшего экономического центра, но и не представляет ни малейшей опасности для царской власти.

Чума конца XVIII в. была последней крупной вспышкой в европейской части России, но в начале XX в., в 1910–1911 гг., в Китае началась сильнейшая эпидемия моровой язвы. Эту вспышку считают пандемией. Жертвами были в основном китайцы (около 60 тыс. человек), но помогали бороться с эпидемией блестящие русские врачи во главе с выдающимся врачом Даниилом Кирилловичем Заболотным. Во время миссии в Харбине все вокруг восхищались его бесстрашием: об этом ходили легенды. Например, однажды, высасывая шприцем гной из чумного бубона больного китайца, доктор Заболотный услышал шаги за дверью. Китайская традиция запрещала подобные манипуляции, поэтому он поспешно сунул шприц в карман халата и укололся инфицированной чумой иглой. Коллеги срочно ввели докто-

ру большую дозу противочумной сыворотки, и знаменитый врач был спасен³. Вернувшись из Харбина, доктор Заболотный внес огромный вклад в советскую эпидемиологию, став академиком, автором множества статей.

Оспа, иначе называемая «натуральная оспа», – болезнь, известная с глубокой древности, была побеждена в СССР только в 1936 г. В Средние века эта болезнь опустошала целые села, а у выживших на теле оставались страшные рубцы. Интересно также, что в средневековой Европе она была более распространена, чем в России. Только в XV в. в летописях есть сведения о болезни, во время которой «мерли прыщем», да и то у исследователей нет подтверждения того, что речь шла об оспе. В XVII в. оспенная эпидемия унесла огромное количество жизней людей, проживавших на территории Сибири, распространяется до Якутии и Колымы и Камчатки. Оспа вместе с корью были одной из главных причин детской смертности. В XVIII в. из-за роста городского населения эпидемии оспы усиливаются в Центральной России. Как известно, Петр II умер в 1730 г. от оспы, вспышки наблюдались в 1772-м и 1776-м, когда от оспы умирал каждый седьмой. Вариоляция (прививка от оспы) в конце XVIII в. была принесена в Европу из Китая и Индии, а затем в Россию. Екатерина II, решив показать пример подданным и сомневающимся, одной из первых в России сделала себе

³ Токаревич К. Н., Грекова Т.И. По следам минувших эпидемий. Лениздат, 1986. С.15.

прививку. В дальнейшем государство неоднократно вводило обязательное оспопрививание, но при нехватке медицинских кадров и размерах Российской империи добиться результата было крайне сложно. В ряде городов в России: в Петербурге и его окрестностях, в Сибири, Казани, Киеве и Астрахани – в конце XVIII в. правительство открыло «оспенные дома». Эти дома были центрами оспопрививания, а также своего рода инфекционными больницами.

Грипп – типичная городская болезнь, которая в XVIII в. поражала людей молниеносно, причем как в Западной Европе, так и в России. В Вене, например, в 1730 г. за один-два дня гриппом заболели практически все городские жители, и за несколько недель переболели почти все – около 60 тысяч человек. «Ревматическая эпидемия», «катаральная лихорадка», «инфлюэнца» уносила жизни сотен и тысяч горожан еженедельно. Кстати, именно во Франции во время эпидемий середины XVIII в. эту болезнь называли грипп (от *gripper* – схватить). Грипп повторялся в России с промежутками 2-7-13 лет, наиболее интенсивные пандемии случились в 1729–1730, 1737, 1742–1743, 1757, 1767, 1781–1782, 1788–1789 гг. Особенно сильной была эпидемия гриппа в Петербурге в 1737 г. В марте 1737 г. английский посланник в России писал из Петербурга в Лондон: «Болезнь эта здесь имеет такой повальный характер, что едва хватает лиц здоровых для ухода за больными... Не слышать, чтобы болезнь эта влекла за собою смертельный исход; сильные приступы

ее продолжают не более трех-четырёх дней, но вслед за ними наступает сильная слабость»⁴. В XVIII в. в России врачи полагали, что люди заболевают гриппом из-за «дурного воздуха». Грипп с самого начала – болезнь городов, заразность которой, являвшуюся следствием скученности народа, объясняли загрязнением и нечистоплотностью городской жизни (которая тоже негативно влияла на заболеваемость). В документе начала XVIII в. «Предупреждение о болезнях, происходящих из зараженного воздуха»⁵, содержится план лечения, предлагаемый врачами. Суть его сводится к следующему: содержать улицы, дома и покои в чистоте, выкидывать мусор и гниль, «нужники» чистить, как подобает, окуривать помещения ягодами можжевельника, а если кто-нибудь заболеет в доме, то необходимо изолировать здоровых от больных. Утром и вечером рекомендовалось не выходить на улицу, так как дурные пары особенно «сов окуплены». Тела умерших зарывать в землю поглубже. Кроме того, рекомендовалось выделить дома за городом для лечения больных, то есть фактически предлагалось создать эпидемические госпитали. Кроме того, медики предлагали целый ряд порошков и трав с потогонным и слабительным эффектом: полынь, ангеликовый корень, камфару, хинный корень и т. д. Предлагалось также соблюдать диету, избегать пряных, острых, жирных блюд. Однако важно то, что все виды гриппа –

⁴ Васильев К. Г., Сегал А. Е. М. История эпидемий в России. 1960. С. 198.

⁵ Там же. С. 195.

это удар главным образом по городскому населению и городу как экономической общности.

XIX в. был чрезвычайно богат **холерными** эпидемиями. Именно холеры русские крестьяне боялись больше всего. Древней родиной холеры считается Индия, и именно оттуда начинались холерные пандемии: их насчитывается пять в течение XIX в. Россия не оставалась в стороне. Около 12 тыс. солдат погибло от холеры во время русско-польской войны 1830–1831 гг., тысячи гибли во время Венгерской кампании 1848–1849 гг. Во время Крымской войны от холеры умирали как русские, так и французские солдаты. Обращаясь же к истории повседневности, важно заметить, что городская среда была отличной почвой для распространения холеры. В 1823-м, 1829-м, 1830-м, 1837-м, 1847-м, 1852-м, 1865-м, 1892-м – восемь раз холера вторгается в Россию. В начале XX в. она часто появляется в городах, где процветает разруха. Чаще всего зараза проникала в Центральную Россию с юга, через Астрахань, на эту специфику местности мы еще обратим внимание, когда будем рассматривать эпидемию сыпного тифа в этом городе. То, что было важно для холеры, станет благоприятным и для сыпняка: Астрахань с ее жарким климатом лежала на перекрестке торговых путей и транспортного потока, проходившего через Волгу. Исторически в Астрахани много людей занималось рыбной ловлей и жило около реки в плохих санитарных условиях. Именно поэтому холера каждый раз находила здесь подходящую почву. Много

ли было жертв холеры в России? Самый надежный источник XIX в. в этом отношении – данные медицинского департамента Министерства внутренних дел. Если во время первой эпидемии 1823 г. жертв около 200 человек⁶, то во время второй пандемии в 1830-е гг. холерой переболело около полу-миллиона русских и умерло более 200 тыс. человек. Третья пандемия последних лет царствования Николая I совпала с Крымской войной и особенно была сильна в южных губерниях, в Одессе, Киеве, Севастополе. Великий врач Николай Иванович Пирогов помогал бороться с этой эпидемией, зафиксировав множество важнейших наблюдений, в дальнейшем способствовавших развитию эпидемиологии в этом направлении. Четвертая и пятая эпидемии также унесли сотни тысяч жителей. Средства от холеры в середине XIX в. не знали, поэтому старались сделать, что могли: выставляли заставы, организовывали карантин, закрывали все учреждения. Москвичи сидели по домам взаперти, трупы умерших вывозили за город и сбрасывали в яму, засыпая известью. Всего за XIX в. холерой переболело – по официальным сведениям – более 4738 тыс. жителей Российской империи, умерло – чуть менее 2 млн. Забегая вперед, отметим, что сыпной тиф менее чем за десятилетие забрал гораздо большее количество жизней.

Именно холера в XIX в. – символ народного страдания. Именно ее прежде всего боялись в городах. В конце XIX в.

⁶ Васильев К. Г., Сегал А. Е. М. История эпидемий в России. 1960. С. 246.

во всех городах медики периодически проверяли воду из местных водоемов на наличие холерных вибрионов. Холера в первые советские годы была во многих городах: Самаре, Астрахани, Ярославле. Но ее вспышки 1918–1919 гг. растворились в цифрах другой эпидемии⁷.

Моры от «**сибирской язвы**» случались на Руси, согласно летописям, в 1050-м, 1158-м, 1284-м, 1308-м, 1393-м, 1444-м, 1448-м. Называемая «скотским падежом», сибирская язва считалась болезнью кожевников, а слободы кожевников были практически в любом древнерусском городе. Неслучайно ремесленники, специализировавшиеся на выделке кож, проживали компактно и часто довольно далеко от средневекового посада. В XVII–XVIII вв. экономический ущерб от сибирской язвы был настолько большим, что для решения проблемы было решено готовить специалистов-врачевателей домашнего скота, что стало точкой отсчета для создания системы подготовки ветеринаров. В XVIII в. «коновальские ученики» тренировались на заболевших лошадях в городских конюшнях, большинство падежей лошадей исследовалось, однако бактериологические знания находились еще на низком уровне, поэтому с болезнью не могли справиться очень долго. Сибирская язва молниеносно поражала животных: например, за 10 дней в 1745 г. в трех волостях Владимирского уезда пало 2085 лошадей⁸. От людей

⁷ Для сравнения, в Ярославле в 1918 году заболевших холерой – 800 человек.

⁸ *Новомбергский Н.* Материалы по истории медицины в России. Т. 5. С.40.

заражались люди, вспышки сибирской язвы были подобны крупному пожару, так как болезнь развивалась очень быстро. В Сибирской губернии в середине XVIII в. она была зафиксирована среди солдат и довольно скоро возникает в столичном регионе. Эпизоотия (сибирская язва) в Петербурге была настолько сильна, что палый скот валялся на улицах города. Трупы животных рекомендовали закапывать подальше от поселений и дорог. В 1761 г. эпидемия сибирской язвы в столице повторилась, и от животных – при снятии с них шкуры – заражаются люди. Умершие люди валялись не только на городских улицах. Трусами был усеян весь тракт, ведущий к столице. В конце XVIII в. – новая волна эпидемии в Центральной России и в Сибири. Медики XVIII в. рекомендовали изолировать больных животных (но часто люди не успевали это сделать), а также усилить личную гигиену: чаще мыться в банях, не держать скот в избах (что было обычной практикой, особенно в холодное время года в северных губерниях). Сибирским крестьянам рекомендовалось использовать для вспашки земли быков вместо лошадей: было мнение, что быки менее восприимчивы к болезни. Сибирская язва и в XIX в. находила себе жертв. Например, в 1864 г. в европейской части России погибло около 90 тыс. животных и – по официальным данным – 667 человек, а в 1875 г. только в Сибири пало 100 лошадей. В конце XIX в. сибирской язвой заболевали, заражаясь от животных, около 15 тыс. че-

ловек ежегодно. С 1883 г. ввели вакцинацию животных, и их смертность пошла на спад, но случаи заболевания сибирской язвой были частыми даже в 1920-е гг. Бывают они и сейчас.

Проказа, или лепра, известная еще с древности, упоминаемая даже в Библии, столь часто пожиравшая Средневековую Европу (где создавались тысячи лепрозориев, проходили ритуальные похороны прокаженных), к счастью, не была в России широко распространена. Ее знали и, естественно, боялись в низовьях Волги – в Астрахани, куда она проникла из Крыма, отчего и получила название «крымская болезнь». В конце XVIII в. проказа наблюдалась среди донских казаков. Болезнь продолжалась около 7 лет и заканчивалась смертью. У зараженных темнело лицо, постепенно деформировались конечности и на коже появлялись уплотнения и язвы. Пальцы теряли чувствительность. В Крыму и на Урале для лечения проказы назначались ртуть и «кислая трава». Врачи в XVIII в. полагали, что проказа сочетается с сифилисом, так как усиливает в человеке влечение к «вожделению». Лепра была известна в Прибалтике, куда, вероятно, ее занесли рыцари в XII–XIII вв. из Европы, где была ее вспышка. В Риге и Ревеле создаются лепрозории. Ревельский лепрозорий, госпиталь Св. Иоанна, был расположен за городской стеной. С XIV в. существовал и рижский «госпиталь Св. Лазаря», также построенный за пределами города. В XIX в. в России были определенные проблемы с диагностированием прока-

зы. Например, в романе Г. Шилина «Прокаженные»⁹ описывается быт первого в России лепрозория, в связи с чем рассказывается о врачебной ошибке: врачи не диагностировали лепру, отчего погубили человека. «Человек повернул голову, и Зернов увидел обезображенное лицо, без носа, без одного глаза, без бровей, с темными отвисшими мочками. Он, взглянув на вошедших слезящимся глазом, неловко поднялся, держа молоток в руке, поклонился». Так описывает Г. Шилин человека, которому поставили неправильный диагноз и годами лечили от сифилиса. «Люди говорили, будто сифилис это. Ну и я тоже: ежели говорят – значит, верно». – «Что ж врачи-то говорили?» – «То же, что и люди». И только позже, когда у бедолаги отвалился нос, когда после отмирания нервных окончаний на руках пальцы пришлось ампутировать, диагноз был изменен другим врачом.

Малярия, или «болотная лихорадка», даже в начале XXI в. достигает огромного размаха: согласно доклада ВОЗ, от малярии в 2018 г. скончалось около 435 тыс. человек из более 200 млн заразившихся¹⁰. Эффективной вакцины от малярии до сих пор не изобретено. В истории России малярия вполне ярко проявила себя и унесла огромное количество жизней. О числах умерших от малярии говорить сложно, так как описания лихорадок в средневековых источниках

⁹ Шилин Г. Прокаженные. Ставрополь, 1965.

¹⁰ Всемирный доклад о малярии за 2018 год. URL: <https://www.who.int/malaria/media/world-malaria-report-2018/ru/> (дата обращения: 10.04.2020).

не особенно отличалось друг от друга. Крестьяне считали, что 12 лихорадок – это 12 «иродовых дочерей», иродовых и простоволосых, которые ходят по белу свету и ищут себе жертв. «Трясовица» подкрадывается к кому-то, целует и уже не расстается с ним. Исследователи считают, что малярия была довольно распространенным заболеванием, но лихорадкой называли также целый ряд других болезней. Лечили их все огромным количеством народных средств: рвотным корнем, травами, имеющими слабительный эффект, чуть позже – чесноком, нашатырным спиртом и хиной. Выздоровление происходило далеко не всегда. Поворотный момент в истории малярии в России – это начало XVII в. Как только русские цари стали полностью политически контролировать Нижнее Поволжье и развивать торговлю на Среднем Востоке, ворота для малярии и иных заболеваний были открыты. В делах Аптекарского приказа XVII в. есть сведения об эпидемии малярии среди русских войск, причем малярию уже тогда называли «низовой болезнью», то есть пришедшей с Нижней Волги. Влажные южные земли, никогда не переживавшие настоящей снежной зимы, изобиловали мелкими водоемами и болотинами – любимыми местами обитания комаров – переносчиков малярии. От эпидемий малярии в XVIII в. страдала Новороссия по причине разливов Дона: после весеннего паводка оставалось много затопленных низин и озер с гнилой водой, где и размножались насекомые.

Как известно, малярийный комары существуют почти на

всей территории России по сей день, но в регионах, где постоянны холодные снежные зимы, перенос комарами малярийной инфекции затруднителен. А вот Черноморское побережье, в том числе районы Сочи, Туапсе, Адлера, Анапы – исторически влажные и заболоченные, – никогда не стали бы популярным курортом, если бы не доктор Сергей Юрьевич Соколов – великий борец с малярией. С. Ю. Соколов начал службу врачом во время Гражданской войны на Урале на стороне советской власти, и в эпоху сыпного тифа, как и многие медики, заразился сыпняком. В состоянии тяжелейшего сыпнотифозного бреда доктор Соколов был отправлен в Москву, где через некоторое время выздоровел и получил новое назначение – Черноморское побережье. Зная не понаслышке, что такое эпидемия, С. Ю. Соколов отлично понимал: чтобы превратить Черноморское побережье в массовый и безопасный курорт, необходимо прежде всего обезопасить его от эпидемических заболеваний. Именно Соколов настаивал на том, чтобы создать противомаларийные станции, осушить и нефтевать некоторые опасные болота и водоемы (нефтевание – это покрытие водоема тонким слоем нефти, чтобы убить личинок малярийных комаров), посадить больше платанов и эвкалиптов, способствующих осушению почв. Опыт борьбы с сыпным тифом великий врач перенес на малярию и достиг в этом больших успехов: миллионы людей отдыхают на Черном море, не думая о комарах. Как видим, в России научились бороться с малярией.

В России случались также эпидемии забытых сейчас болезней, о которых исследователи пишут не так часто. Тем не менее эти заболевания очень сильно влияли на людей, их роль в истории России нельзя игнорировать. Одной из таких, практически забытых эпидемий можно назвать **эрготизм**¹¹. Само слово имеет французский корень *ergot* – спорынья. Употребляя в пищу ржаную муку, люди не обращали внимание, что в перемолотые зерна попадает спорынья – грибы, паразитирующие на некоторых злаковых культурах, алкалоиды которых опасны не только для человека, но и для животных. Выражение «отбросить копыта», к сожалению, не аллегория, это то, что в реальности происходило с животными: после отравления хлебом, содержащем спорынью, у них буквально отваливались копыта, после чего животное погибало в муках. Человек, съевший хлеб со спорыньей, тяжело заболел. У эрготизма выделяют два типа: гангренозный – омертвление конечностей, после чего у людей буквально отваливались руки и ноги (в средневековой Руси это называлось «Антониев огонь»), и конвульсивный – этот вид, как видно из названия, приводивший к мышечным спазмам-конвульсиям, часто отражался в источниках как «ведьмины корчи». Именно отравление спорыньей могло вызвать галлюцинации, которыми так известны Средние века: это и видения религиозного характера, и «пророчество» разных видов. Вполне вероятно, что знаменитые «проклятья ведьм», при-

¹¹ *Абсентис* Д. Христианство и спорынья.

водившие к отсутствию лактации у матерей и коров, – ни что иное, как отравление хлебом со спорыньей. Это тем более было актуально, так как и в Европе, и тем более в России, голод был частым, если не постоянным спутником. Общеизвестно, что история России часто пересекалась «гладом» и «мором», они шли рука об руку. В Европе картофель вытесняет хлеб как основную пищу раньше, чем в России, а потому «ведовство» как-то само исчезает: то ли из-за культивирования идей рационализма и просвещения, то ли оттого, что люди не едят хлеб в той мере, как прежде. В России именно рожь считалась основным хлебным злаком, ржаной хлеб считался более здоровым. Спорынья же вообще считалась признаком богатства. В. Даль указывает в словаре, например, такую поговорку: «Кто за хлеб-соль берет со странного (путешественника), у того спорыньи в доме не будет».

Последствия употребления спорыньи были чудовищны. Мы не можем назвать число жертв эрготизма (летописи дают цифры сожжения «вещих женок» и прочих казней, но по понятным причинам не могут отразить число жертв), однако ясно, что масштабы эпидемии огромны: врачи даже в конце XIX в. описывали «психиатрические эпидемии религиозного характера» в разных частях страны, причем иногда выступления, имеющие все признаки того, что люди находились в одурманенном состоянии, охватывали целые села. Некоторые исследователи напрямую связывают любовь крестьян к черному хлебу с агрессивностью русских людей

в принципе: внезапные и бескомпромиссные бунты Средневековья, любовь «подраться», частые бытовые убийства происходили в России чаще, чем в Европе¹². Как бы то ни было, это очень интересная тема для исследований.

В список «забытых болезней» Всемирная организация здравоохранения, к счастью, записала **трахому**, хотя «забыта» она была сравнительно недавно. В детской литературе 1920-х гг. среди персонажей встречаются ослепшие дети, пораженные трахомой. Осиротевшие и ослепшие малыши водят друг друга по сыпнотифозным вокзалам, прося подавание. Случаи трахомы встречались в России даже после Великой Отечественной войны. Трахома, или «египетское воспаление», было занесено в Европу после похода армии Наполеона в Египет, после европейских войн Бонапарта распространилось среди солдат, военнопленных и прочих людей, контактировавших с ними. Хламидии в глазу приводили к страшному воспалению, жжению, видоизменению век и в дальнейшем – необратимой слепоте. До изобретения антибиотиков это было настоящим проклятием русских солдат: например, в русском войске после войны с Наполеоном было около 80 тыс. человек, навсегда потерявших зрение по причине трахомы. Позже, во время многочисленных военных кампаний в Крыму и русско-турецких войн, жертвы трахомы также исчислялись десятками тысяч. В Казанской губернии и Поволжье в конце XIX в. страшная эпидемия тра-

¹² *Абсентис Д.* Христианство и спорынья.

хомы разразилась среди городских жителей. Антибиотики и тетрациклин, к счастью, практически уничтожили опасность повторения эпидемии.

Вот только некоторые эпидемические заболевания, которые уносили десятки и сотни тысяч жизней, а ведь не будем забывать огромное количество заболеваний, ставших причиной детской смертности: корь, скарлатина, дифтерит. Сифилис также нередко встречался (по разным источникам, им были заражены около 5 % населения Российской империи) и последствия его были трагическими. Все это, возможно, заслуживает отдельного исследования. Быть может, есть смысл пересмотреть некоторые сюжеты в истории России через призму эпидемии или страха перед ней?

Давайте посмотрим, каковы главные социальные последствия эпидемий.

Любая эпидемия постепенно переносилась в города и уничтожала главным образом городское население, в особенности людей пожилого возраста и детей, то есть тех, у кого иммунитет был слабее. Во все времена экономический ущерб был огромен: в городах прекращается ремесло и торговля, более того, после пандемии на некоторое время умирают торговые отношения между странами. Разрушаются семьи и социальная структура общества. Часто средневековую эпидемию сопровождал голод, а это усугубляло ситуацию. Умирали городские традиции, обычаи, праздники. Многие праздники, кстати, совершенно забывались после очередной

волны эпидемий: апатия, вызванная трауром, приводила к отмене, а затем и забвению городских фестивалей. Искусство, за редким исключением, приходило в упадок, так как умирали ремесленники и мастера, строить и возводить здания было некому. Более того, некому было платить за создаваемые произведения искусства. Умирала городская мода, исчезало желание людей украшать одежду и дом. Монастыри, в Средние века являвшиеся центрами образования, в эпоху эпидемии – если им удавалось от нее уберечься – становились местами неустанной молитвы в ожидании апокалипсиса. Интересно, что и в конце XVI в., и в середине XVII в., когда в России эпидемии вспыхивают одна за другой, фрески и иконы во многих городах необычайно красочно изображают ад, адовы муки, демонов самых разных форм и цветов. Страх и предвкушение конца света – вот главные мотивы искусства эпохи эпидемии.

С XIX в. эпидемию воспринимали как временную катастрофу, переживая ее: запершись в домах, городские жители не роптали, а просто подчинялись «судьбе», оплакивая своих знакомых и близких, если потеря случилась в их окружении. Однако – и это наиболее ярко видно в XIX в. – эпидемии способствовали изменению санитарного состояния городов. В городах строились бани, лучше убирались улицы. Очень положительно отразился указ Екатерины II вынести кладбища на окраины городов. Однако в XIX в. города увеличиваются так стремительно, что санитарное состояние не

успевает за темпом роста: необходимо было время, чтобы разработать слаженную систему контроля санитарии в городе, построить больше больниц, развивать сеть медицинских учреждений.

Всему этому положила конец Первая мировая война и ее дитя – сыпняк.

Эпидемия сыпного тифа «обнулила» достижения предыдущих десятилетий. Она не стала вызовом для городской культуры, – напротив, она стала ее погребальной песней.

Русские города до тифа и после – это разные миры. Советские города после сыпняка – это города, которые развивались совершенно по иному пути: их новые концепции – это города-сады, рабочие поселки, чуть позже появлялись наукограды. Богатейшие прежде исторические центры – многочисленные улицы купеческих особняков в окружении самобытных храмов – превратились в удручающее коммунальное гетто. Средневековые посады многих некогда цветущих городов были практически не востребованы: никто не стремился там жить. Часто центральный городской район вообще смещался в другое место: например, в Ярославле, сейчас входящем в список ЮНЕСКО, в советское время центральный район был перенесен с территории Кремля (Земляного города) к бывшей Романовской заставе, которая была фактически выездом из города XIX в., а позже стала дорогой к заводам. Там строится главный клуб для рабочих – «Гигант» и уже с середины 1920-х гг. появляются улицы одинаково

безликих типовых домов для советских граждан.

Сыпняк забирал не только жизни людей. Для русских городов он был фатален.

Глава 2

«Огненная болезнь»: тиф в Средневековье

Обратимся чуть подробнее к истории тифа в России.

Были ли тиф в России до XX в.? Конечно, да, хотя совершенно не в таких масштабах, как в первые годы советской власти. Очевидно, что до появления бактериологии как науки упоминание о различных болезнях в исторических документах может трактоваться по-разному. Сведения о тифах недостоверны по причине того, что часто их относили к «горячкам», то есть прочим лихорадочным заболеваниям. Часто тифы и вовсе не считали опасными болезнями, даже заразительность их оспаривалась. В классической работе «История эпидемий в России»¹³ говорится о том, что в отличие от чумы, одно лишь упоминание о которой вызывало ужас у людей, или оспы, к которой относились как к неизбежному злу, тифы воспринимались в России иначе: люди не испытывали особой паники при их появлении. Не случайно тифозные заболевания отражены в источниках крайне редко, и только если принимали массовый характер. В иных случаях тифы относили к «обыкновенным» болезням, «перевал-

¹³ Васильев К. Г., Сегал А. Е. М. История эпидемий в России. 1960. С. 185–190.

ками», нигде и никем не регистрировались. Практически все сведения о тифозных заболеваниях связаны с боязнью появления или распространения чумы.

Авторы «Истории эпидемий в России» указывают, что тифы вплоть до XVIII в. не относились к эпидемическим заболеваниям, и что распространена была теория о возможности перехода «обыкновенных горячек» в «злокачественные» или «чумоподобные». В допетровской Руси эпидемии тифа также, конечно, имели распространение. Считается, что в 1558 г. «огневою» болезнью хворал царь Иван Грозный: «В то время посети немощю царя нашего, прежде огонь великий сиречь огневая болезнь»¹⁴. Принц датский Иоанн, жених дочери царя Бориса Годунова, умер в Москве от тифа (горячки). Интересно, как иностранцы описывали это состояние – повышение температуры и сыпнотифозный бред. «Воздух в этой местности настолько чист, что там никогда не было чумы. Но иногда там встречается болезнь, поражающая кишечник, голову и все члены тела, однако непохожая на чуму, которую мы называем горячкой или острой лихорадкой. Они же на своем языке называют ее «огневая». Она сжигает людей подобно огню... от тех, кто заболел заражаются, как от чумы, другие, если они не берегутся. Немногие из заболевших выздоравливают»¹⁵.

С заболеванием тифом связано огромное количество суе-

¹⁴ Царственная книга. М., 1769. С. 9.

¹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. СПб. 1908. С. 98.

верий. Огневица, огнёва, огнёвица, огневая, огнёвка, огненная болезнь, огния, огонь – горячка, скорее всего тифозная, часто в русских поверьях представляла в облике женщины, «жгущей и палящей» страждущего. Как считали в Архангельской области, «огнея или огнёва распалит человека или, как говорят, человек в огне горит, хотя ушат воды вылей, не утушает, при этом всякий сустав распалится и ум затмевается. Сюда относятся горячки всех видов и внутренние воспаления»¹⁶. В Вологде люди полагали, что действенным средством от огневицы, горячки и прочих «опаляющих» болезней традиционно считался добытый особым способом (например, трением двух поленьев) огонь, именуемый древесным, живым, деревянным и т. п. – «таким деревянным огнем выгоняют иногда из дома горячку, разводя его перед окнами, и через этот же огонь проводят выздоровевшего от горячки, чтобы окончательно очистить его от болезни»¹⁷. В Новгородской губернии при появлении дома горячечного больного, среди поля, на заслоне, зажигался из лучинок огонь, через который проходят все здоровые (здесь «лечение подобного подобным» сопровождается очищением). Согласно поверьям некоторых губерний России, огневицы (как и огонь) могли находиться в распоряжении лесо-

¹⁶ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды этнографического отдела ИОЛЕАиЭ. М., 1877. Кн. 5. Вып. 1; М., 1878. Кн. 5. Вып. 2.

¹⁷ *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903.

вого, коего просили «укрыть от огневицы»¹⁸.

Справочники, составленные по следам народной медицины, свидетельствуют о том, что люди и раньше «знали средства» для борьбы с тифом. Лечебным растением считался аир (его корни жевали для профилактики заражения), чеснок (его носили при себе). Дома окуривали черным дегтем (кстати, позже, во время эпидемии сыпняка в эпоху Гражданской войны деготь стал одним из самых популярных средств дезинсекции). В деревнях рекомендовалось положить топорище на шесток печки, куда выгребают угли, просверлить в косяке входной двери избы сквозное отверстие и забить его клином, пронести всех больных над костром (здоровые должны были перепрыгнуть через него) и т. д. Рекомендовалось даже употреблять дрожжи с мочой больного (при этом, как мы помним, бактерии содержатся в моче заболевшего)¹⁹. Многие из этих суеверий, очень надолго застрявших в головах крестьян, существенно осложняли деятельность врачей. Позже в нашей работе мы обратимся к вопросу о восприятии болезни простыми людьми, однако наличие подобных суеверий и церемоний «излечения», различных в каждом регионе, свидетельствует о том, что, к сожалению, тиф в русских деревнях – частый гость.

¹⁸ Власова М. Энциклопедия русских суеверий. М., 2009.

¹⁹ Скориченко-Амбодик Г. Г. Доисторическая медицина. СПб., 1895; Змеев Л. Ф. Чтение по врачебной истории России. СПб., 1896; Попов Г. Русская народно-бытовая медицина, СПб., 1903; Российский Д. М. История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения. Библиография (996-1954 гг.). М., 1956.

В «Записках о Московии» Герберштейна XVI в. также говорится о частоте тифозных заболеваний, которые «москвитяне называют огниво». В документах Аптекарского приказа²⁰ XVII в. указывается то, что докторам, лечившим больных тифом, запрещается доступ ко двору царя и в Аптекарский приказ. Тиф, или «лагерная горячка», «лагерная лихорадка», – частый гость среди солдат, проредивший, например, войско Петра I во время Северной войны²¹. В XVIII в. сыпной тиф, видимо, был вполне распространен: в 1758 г. в Тобольском и Московском полках умерло от «горячек», происходивших «от тесноты», более 1500 человек²². В связи с распространением «лихорадок» в армии правительство издало особый справочник – руководство для полковых лекарей (1765 г.), в котором содержались правила оказания помощи тифозным больным, необходимые для походного лекаря медикаменты и проч. В 1769 г., во время Русско-турецкой войны, тиф вновь свирепствовал среди солдат, причем как с русской, так и с турецкой стороны.

Впрочем, сведения, дошедшие до нас, обрывочны, полную картину возникновения эпидемии представить сложно, однако несколько важных моментов можно выделить. Во-первых, тиф – болезнь преимущественно солдат, во-вторых,

²⁰ Васильев К. Г., Сегал А. Е. М. История эпидемий в России. 1960. С. 187–188.

²¹ Там же. С. 187–188.

²² Центральный государственный архив древних актов. Ф. 6, разряд VI, д. 410. С. 37.

ее считали заразной, в-третьих, появляется понятие карантина во время распространения тифа (как и других заразных болезней).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.